

We can conclude that such numerous nationalities as Ukrainians, Greeks, Jews, Tatars, Georgians, Lithuanians, Bulgarians, Poles with each census were losing their share, and Russians, Azeris, Germans, Chuvashs multiply their numbers and proportions of the population in Donbass. These indicators had relatively significant changes only for Ukrainians and Russians: -4.8% and 5.4%. Regarding other nationalities the fluctuations were in the range of tenths of a percent. Belarusians, Moldovans, Armenians, Mordvins, Gypsies did not significantly changed their share in the population of the region.

During this period a number of changes in the ethnic composition of Donbass had happened. One of the most noticeable changes was that among ethnic groups took place not only increase of number of Russians, but also increase of their share.

Not only the number of Jews in the whole in Oblasts of Ukraine, but also their proportion of the population reduced after the Holocaust committed by the invaders.

Russians became the second largest nationality in all Oblasts (except Transcarpathian where Hungarians were the second), and in Crimea they were the first. In Donetsk and Lugansk Oblasts was a significant drop in the share of the Ukrainian population. Their numbers grew, but the percentage declined. The reason for this was the low growth of the Ukrainian population in comparison with other nationalities.

As already mentioned, Russians were second most populous in Donbass, and their number along with a share steadily increased. Such tendency was caused by:

1. Many people come for economic reconstruction in the postwar years to Donbass, especially from the regions of the Russian Federation;

2. The unreliability of indications of the respondents in population censuses due to global Russification particularly in 1960-1970 years, as it was "profitable" to be Russian in documents;

3. Through the creation of the "Soviet people" and expanding the scope of the Russian language in the Ukrainian SSR as in general in the USSR, Russian language displaced other languages.

A significant proportion of Russians, according to the censuses, was not in fact this nationality by ethnic origin. So the population census recorded a deformed structure of the population, namely the results of national policy of the Soviet government. The author proves that the policy of creating "Soviet people" through the Russification of the population was quite successful.

Keywords: *ethnic composition of the population, national policy of the Soviet government, Donbas.*

УДК 930:94(497.1)''1920/1930''(045)

Т. Белякова

**К ВОПРОСУ О ВЛИЯНИИ РЕЛИГИОЗНОГО ФАКТОРА
НА НАЦИОНАЛЬНОЕ САМОСОЗНАНИЕ В МЕЖВОЕННОЙ ЮГОСЛАВИИ:
ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ**

В этой статье рассматриваются различные аспекты историографии, касающиеся вопроса о роли религии в Югославии в период между двумя мировыми войнами в формировании национальной идентичности народов Югославии. Интерес к этой теме связан с историческими событиями в течение последних тридцати лет, а

конкретнее с войной, которая сопровождала распад социалистической Югославии. Ситуация в 1920-1930-х годах была не так глубоко изучена зарубежными учеными, хотя конфликт, связанный с проблемой конкордата с Ватиканом в этот период, по мнению некоторых бывших югославских историков, а также западных исследований, таких как П.С. Рамет, сильно повлияла на отношения между сербами и хорватами во время Второй мировой войны через механизмы обращения к религиозному фактору и идеи конфронтации между православием и католицизмом во время конфликта. Другим важным аспектом в историографии на основе изучения идеологических схем и на основе исторического и конфессионального фона в 1930-е, который имеет дело с вопросом «сакрализации нации и национализацией религии» сербских духовных лидеров (Klaus Vichenau). Важность изучения этого периода связана с необходимостью узнать больше об использовании религиозного фактора для построения и формирования национальной идентичности, а также об управлении межрелигиозными и межнациональными конфликтами на основе исторических мифов, смешанных с «религиозными компонентами». Без знания истории двадцатого века и формирования национальных конструкций в Югославии, современные ученые часто передают представления и объяснения событий во время последних югославских войн на целую историю Балкан и обвиняют саму религию в создании националистов (например, сербское православие) или более агрессивных (например, боснийский ислам).

Ключевые слова: Югославия, историография, сербское православие, боснийский ислам.

Особенностью балканского региона на протяжении многих веков было сосуществование различных религиозных и конфессиональных традиций на сравнительно небольшом пространстве. К сожалению, за последние десятилетия возникшая необходимость в изучении проблемы роли религиозного фактора в формировании национального самосознания связана не с исторически сложившемся плюрализмом религиозных обычаев на Балканах, а, безусловно, с событиями военного конфликта, сопровождавшего распад социалистической Югославии, которые в отечественной историографии характеризуются как «югославский кризис», а в национальных и западных историографиях как война, гражданская война и даже отечественная война (“domovinski rat” – в хорватской историографии и СМИ). Многочисленные спекуляции со стороны национальных и духовных лидеров по национальному вопросу и подчеркивание роли религиозного фактора, стали причиной того, чтобы многие европейские историки-балканисты, специалисты по истории религии и теологи (с различным конфессиональным бэкграундом) обратились к вопросу о роли религиозного фактора в событиях, с тем чтобы разработать концепцию выхода из конфликта, сопровождавшегося всплеском агрессивного национализма и спекулятивных характеристик конфликта как «религиозной войны». Особую роль в этом вопросе играли немецкие историки и теологи, всерьез изучавшие эту проблему и организовавшие переговоры между духовными лидерами стран бывшей Югославии [1].

Основные проблемы, возникающие при исследовании вопроса о роли религии в формировании национального самосознания, связаны, как ни странно, именно с актуальностью этого вопроса, то есть подчеркивания важности религиозного фактора при распаде Югославии и его функции в современном национализме. Соответственно, основные недостатки в интерпретации связаны, прежде всего, со следующими аспектами:

1. Переносом представлений о современном национализме и этно-национализме у югославянских народов и функции религиозного фактора в нем на весь период истории

развития наций. К числу таких концепций относятся широко распространенные в СМИ и научных работах схемы: Балканы – как специфический регион, исторически не вполне принадлежащий к европейскому культурному пространству в первую очередь в связи с особенностями межнациональных взаимоотношений и нестабильности государственных объединений (термин балканизация) [2]. В отношении религиозного фактора это формулируется следующим образом: «В Юго-восточной Европе взаимоотношения государства и церкви отличаются от западноевропейских преимущественно националистическим дискурсом религиозных лидеров и частым обращением к политическим и историческим мифам» [3, с. 288].

2. Недооценка или переоценка роли фактора традиционализма в религии и следовательно этничности, нации. Недостаточно учитывается концепция традиционной и искусственно сформированной «исторической памяти», при этом идеологические конструкты с использованием религиозного субстрата часто интерпретируются как особенности религий или этническая предрасположенность к религиозному национализму у балканских народов [4].

Можно выделить три основных направления в западной историографии о роли религии в формировании югославянских наций по хронологическому принципу: 1. Изучение роли религии у балканских народов в период существования империй – Османской и империи Габсбургов, особая роль религии для этнического самоопределения балканских народов, связанная с турецкой системой миллетов, в свою очередь, отразившаяся на гипертрофированной роли религии в период формирования наций в 19 – начале 20 в. (Наиболее важными работами в этой сфере являются публикации Э. Сутгнера, Н. Пантасопулоса) [5]. 2. Анализ религиозной и национальной политики в королевской и социалистической Югославии 20 в. Основные вопросы связаны с конфликтом между Католической Церковью в Хорватии и Словении и Сербской Православной церковью, в 20-30-е гг., особо ярко проявившемся в споре о конкордате, религиозной ситуации в эпоху существования НГХ и церковной политики А. Павелича, и исследование национальной и религиозной политики (часто неразделяемой) в СФРЮ под руководством И.-Б. Тито (в первую очередь, по вопросу создания Македонской православной церкви в 1967 г. и признания религиозно-этнического самоопределения «мусульмане» как «национальное» на территории республики Босния и Герцеговина) [6]. 3. Исследование религиозно-национальных идеологием в годы последней войны на территории Югославии и религиозной ситуации в пост-коммунистической Югославии, в первую очередь в рамках концепции Э. Хобсбаума „implemented tradition“ [7].

Характеристика межвоенного периода

В 1918 г. впервые возникает единое югославское государство под названием Королевство СХС, включая в себя этнически пестрое население, на протяжении веков существовавшее в рамках различных государственных и культурных моделей. Их этническое разнообразие нашло отражение в названии молодого государства. В этот период впервые национально-религиозная политика в отношении этого региона начинает реализовываться из нового единого центра – Белграда, реализуемая как часть политической программы конституционной монархии во главе с сербским королем Александром Карагеоргиевичем. Белградом последовательно реализовывалась идея единого централизованного государства, объединенного общей «югославянской» этничностью (заметим, не нацией, которых официально признавалось три: сербы, хорваты и словенцы).

Этот период далеко не самый популярный в историографии по вопросу о религии и нации, его всегда затмевает интерес к событиям Второй Мировой войны и религии в

эпоху коммунизма. [8] Так в российской историографии, межвоенный период изучается только с точки зрения развития югославской государственности, политического устройства, политического и национального противостояния сербов и хорватов в новом государстве, при этом вопрос о решении религиозного вопроса остается вне поля исследователей. Это особенно странно, если учесть, что период Второй Мировой в российской историографии по вопросу об истории религии в Югославии крайне часто рассматривается в работах публицистического толка или околонуточных публикациях, где религиозно-политические события анализируются вне исторического контекста предшествующих событий межвоенного периода и даже без учета военных событий второй мировой и гражданской войны [9].

Основными событиями, охарактеризовавшими национально-религиозную политику в Югославии межвоенного периода, были следующие: 1. Изменения границ диоцезов католической церкви в Словении и Хорватии в связи с распадом империи Габсбургов. 2. Расширение юрисдикции Сербской Православной Церкви (далее СПЦ). 3. Принятие Видовданской конституции 1921 г., формально утверждающей равенство четырех основных религий-конфессий (православия, католичества, ислама и иудаизма). 4. Дискуссии о подписании конкордата с Ватиканом. 5. Позиция СПЦ в 1930-е гг. против принятия конкордата.

Межвоенный период ознаменовался максимальным юрисдикционным расширением и влиянием СПЦ: впервые объединившейся после эпохи Османского господства и включившей под свою юрисдикцию также православное население Хорватии и Македонии. Особый статус СПЦ при сербском дворе в Белграде, преимущества, сформулированные в конституции и Уставе СПЦ, сделали возможным для иерархов СПЦ занять особую позицию по вопросу о конкордате с Ватиканом о статусе Католической церкви на территории Югославии. Благодаря усилиям деятелей СПЦ, переговоры о конкордате затягивались и документ, разработанный при согласии обеих сторон, так и не был подписан. Могущество СПЦ и уверенность в своем особом положении в королевской Югославии заставила иерархов диктовать политикам свою позицию и в итоге пойти на конфликт с государством и парламентом, оказывая давление на депутатов и приведя в итоге к тому, что конкордат не был ратифицирован в Белграде.

С другой стороны, по мнению сербских современников и историков, СПЦ в межвоенный период страдает из-за понижения своего статуса. Если в прежнем государственном образовании – королевстве Сербия – более 90 процентов населения исповедовало православие, то в новом объединенном государстве этот процент снизился до 48%. Конституционные права мусульман, католиков и евреев приравнивались к правам православных (по конституции 1921г.). Именно это, с точки зрения сербской историографии, стало причиной решительности СПЦ в противостоянии переговорам с Ватиканом [10].

Как писал в своих мемуарах министр Милан Стоядинович, открытое противостояние духовных лидеров СПЦ и их подрывная деятельность среди сербского населения, подстрекательство против действующего правительства (в рамках борьбы за конкордат – влияние) были вызваны неготовностью СПЦ смириться с мыслью о том, что она более не является основной и единственной религией. В 30-е гг. церковная иерархия (вроде только патриарх Варнава занимал независимую позицию и не подстрекал паству и духовенство против конкордата) отважилась на открытое противостояние правительству и непосредственное обращение к «сербскому православному народу» с призывом о помощи. По мнению Стоядиновича, в своей

борьбе за влияние не побоялась угрозы религиозной войны и гражданского противостояния [11].

После основания независимого югославского государства, Католическая Церковь в Словении и Хорватии потеряли ряд территорий, что было связано с изменениями в структуре диоцезов. Политические притязания хорватов и словенцев выходили за рамки их реального статуса в королевской Югославии и отличались от первой версии государственного образования Королевства СХС, просуществовавшего всего месяц в 1918 г. Недовольство было связано не в последнюю очередь с цивилизационными различиями, ощущением превосходства национальных элит, на протяжении веков находившихся в составе империи Габсбургов, над османским наследием [12].

Уже в конце 70-х вышло исследование хорватского историка Ивана Мужича о католической церкви в королевской Югославии, в котором тщательно рассмотрены все этапы борьбы за конкордат и развития представлений о роли конкордата для дальнейшего существования единого королевства. Сложная политическая обстановка в стране после убийства короля Александра и невозможность найти решение для «хорватского вопроса» делали вопрос о подписании формального документа с Ватиканом крайне важным в политическом плане. Если власти в Белграде во главе со Стоядиновичем видели в конкордате возможность повлиять на католическое духовенство, которое в свою очередь, будет настраивать хорватскую паству в пользу братской любви и единства с государством, и соответственно в неподписании этого документа дальнейшее ухудшение взаимоотношений с хорватами, которые себя будут чувствовать «бесправными» еще и в религиозном вопросе, то СПЦ требовала участия своих представителей в выработке документа, заявляя о своей роли в государственном аппарате, говоря что клерикализм существует только в католических рядах и что привилегированный статус в королевской Югославии может быть только у одной церкви – православной. На уровне документов и высказываний, приводимых автором, очевидно, что помимо религиозной подоплеки вопрос в 30-х годах носит острый политический характер, а проблема и угроза межнациональных и межэтнических конфликтов в Югославии приводит и к той гипертрофированной роли религиозного вопроса, как главного дифференцирующего фактора. В монографии изучается текст конкордата и основные правовые моменты дискуссии [13].

В американской историографии особого внимания заслуживает точка зрения исследователя по вопросам религии и истории церквей в Восточной и Юго-Восточной в XX в. – П.С. Рамет. По ее мнению, позиция СПЦ в межвоенный период – уникальный случай в истории православных церквей, когда православная церковь пытается повлиять на государственную политику и навязать свою позицию, идя на откровенный конфликт с государством.

В свою очередь, прежние утверждения хорватских политиков и католического духовенства о неравноправности их статуса в Югославии, теперь непосредственно подкреплялись неадекватной и дискриминационной политикой СПЦ и Белграда, что в свою очередь развязывало католической иерархии во главе с кардиналом Степинцем руки для «окатоличивания» собственного населения, использования религиозного фактора для усиления патриотического и национального противостояния господствующей нации в Югославии [14].

Особого внимания заслуживает немецкая историография по вопросу исследования значения религии для национального самосознания и национализма. Основная концепция, характеризующая данную проблему на Балканах, условно звучит как «национализация религии и сакрализации нации». Эта позиция своей четкостью и жесткостью кардинальным образом отличается от определений национальных

историографий, где на основании традиций и исторических предпосылок часто замалчивается проблема национализма в своем обществе и подчеркивается его наличие в другом обществе и религии (разделение на «свой-чужой» в первую очередь характерно для сербской и хорватской научной мысли). Интерес вызывают работы немецкого исследователя Клауса Бухенау. Он в первую очередь является специалистом по истории религии и церквей в 20 в. В некотором плане, это отражается и на четкости его позиции в характеристике «национализации религии» и «сакрализации нации». Так, тщательно разбирая позиции ведущих сербских и хорватских идеологов в среде духовенства в 20 в., Бухенау четко выделяет любые проявления национализма на фоне идеализации (сакрализации) нации как таковой. Идеологемы, часто основанные на исторических мифах, также разбираются в контексте национализма. Несколько неучтенным оказывается фактор традиционализма и особенности роли религии в до-югославских государствах

Если правовые и политические особенности межвоенного периода достаточно тщательно представлены в работе И. Мужича, то в исследованиях К. Бухенау межвоенный период выделяется как наиболее важный с точки зрения развития идеологических и национальных конструктов и характерного процесса «сакрализации нации», посредством использования конструктов идентичности на основе религиозно-этнического самосознания [15]. При этом подчеркивается особая роль сербских православных духовных лидеров и теологов – Николая Велимировича и Юстина Поповича, сформулировавших национальные приоритеты, используя в основе традиционные исторические топосы, и формируя новые: «избранный народ» с его особой ролью и особым местом в иерархии на небесах, «святосавлье» как особый вид сербского национального православия [16].

Для католических духовных лидеров Хорватии – это также период консолидации национально-духовных пунктов для создания картинки национальной идентичности, замешанной на католичестве, как наиболее характерном и понятном для самоидентификации в новом государстве с особой привилегированной ролью, с их точки зрения, чрезмерной – СПЦ – православных – сербов. Если в политической риторике речь шла о культурно-политических и ментальных различиях народов, оказавшихся в едином государстве, то здесь удобным моментом становилась иноконфессиональность. С точки зрения Бухенау, реализованные в годы второй мировой и гражданской войны 90-х идеологические и национальные мифы с активной религиозной подоплекой, во многом опираются на деятельность католических и православных духовных лидеров в межвоенный период [17].

В общих чертах, основная идея сербской историографии по национальному и религиозному вопросу на территории бывшей Югославии в 20 в. связана с обвинением в национализме-фашизме представителей католического духовенства и церкви в Хорватии, как пропагандирующей идею превосходства хорватской нации, как в ожидании «развала и освобождения» от Югославии «с помощью фашистов», соответственно НДХ и последствия – как главное обвинение против католицизма и хорватского национализма, служившие оправданием и для обстрелов и резни в 90-е годы на территории Хорватии и Боснии и Герцеговины. В свою очередь, хорватская историография часто обвиняет СПЦ в национализме, напоминая на то, что изначально православная церковь, в отличие от католической, является национальной, а также обвиняя СПЦ в национализме в период борьбы за конкордат.

Что касается особенностей сербской позиции, то она характерна для большинства православных государств, особенно воевавших во второй мировой войне против нацистской Германии. Так проблема национализма, в том числе среди духовенства, там

практически не поднимается. Эпоха 20-30-х гг. рассматривается как наиболее выдающийся период деятельности СПЦ, достигшей наибольших юрисдикционных возможностей и максимально привилегированного и влиятельного состояния в королевской Югославии. Позиция СПЦ по вопросу о конкордате признается адекватным противостоянием попытке католической церкви усилиться и оказывать еще большее центробежное, сепаратистское влияние среди хорватов.

Список використаної літератури

1. Th. Bremer (Hg.) Religion und Nation im Krieg auf dem Balkan / Th. Bremer (Hg.) // Beiträge des Treffens deutscher, kroatischer und serbischer Wissenschaftler vom 05.-09. April 1995 in Freising. - Bonn 1996. - S.161-171
2. Об историографии вопроса см.: Todorova M. Imagining the Balkans / M. Todorova. – Oxford : Oxford University Press, 2009. — 288 p. Bjelić D. I. 2002. Balkan as Metaphor. Between Globalization and Fragmentation / D. I. Bjelić, O. Savić (eds.). - Cambridge, Mass.: MIT Press, 2002. - 382p.
3. Perica, V. Balkan idols. Religion and Nationalism in Yugoslav States / V. Perica. - Oxford: Oxford University Press, 2002. – 369 p.
4. Lucian N. Leustan Religious elements in defining European identity in the European Union and Southeastern Europe / N. Leustan Lucian // Religion and patterns of social transformation / ed. by D. Jerolimov, S. Zrinščak, I. Borowik. – Zagreb : Institute for social research, 2004. – P. 277-297.
5. Altevölmner B. Nation-Building in Serbien und Kroatien. Eine Studie zur Reichweite allgemeiner Theorien des Nationalismus / B. Altevölmner. - Stuttgart, 2004. – 116 p.
6. Suttner E. Ch. Kirche und Nationen: Beiträge zur Frage nach dem Verhältnis der Kirche zu den Völkern und der Völker zur Religion / E. Ch. Suttner. - Würzburg, 1997. – 642 p.; Pantazopoulos N.J., Church and law in the Balkan peninsula during the Ottoman rule. Thessaloniki, 1967. – 121 p.
7. Ramet P., Religion and Nationalism in Yugoslavia / P. Ramet // Religion and Nationalism in Soviet and East European Politics / ed. By Pedro Ramet. - Durham, 1984. – p. 299-327; Bremer Th. Kleine Geschichte der Religionen in Jugoslawien: Königreich - Kommunismus – Krieg. - Freiburg, 2003. – 144 p.
8. О термине см.: The Invention of Tradition / eds. E. Hobsbawm, T. Ranger – Cambridge : Cambridge University Press, 1983; Buchenau K. Kämpfende Kirchen. Jugoslawiens religiöse Hypothek / K. Buchenau. - Frankfurt : Peter Lang, 2006. - 252 p.
9. Библиография по периоду войны и второй половине XX в. крайне обширна, привожу только несколько: Grubišić I., Religija i sloboda. Religijska situacija u Hrvatskoj 1945 – 1990 / I. Grubišić. - Split, 1993; Živojinović D., Vatikan. Katolička crkva i Jugoslovenska vlast 1941 – 1958 / D. Živojinović. - Beograd, 1994, Živojinović D. Srpska pravoslavna crkva i nova vlast, 1944 – 1950 / D. Živojinović. - Srbinje, 1998. Akmadža M., Katolička crkva u Hrvatskoj i komunistički režim 1945 – 1966 / M. Akmadža. - Rijeka, 2004; Alexander Stella, Church and State in Yugoslavia since 1945 Stella Alexander. - Cambridge, 1979; Radic, R. Verom protiv vere. Drzava i verske zajednice u Srbiji 1945 – 1953 / R. Radic. - Beograd, 1995.
10. Можно упомянуть недавно переведенную на русский язык книгу: Ривели М. А. Архиепископ геноцида. Монсеньор Степинац, Ватикан и усташская диктатура в Хорватии 1941-1945 / М. А. Ривели. - М., 2011. – 224 с.; Шкаровский М. В. Создание и деятельность Хорватской Православной Церкви в годы Второй мировой войны / М. В. Шкаровский // Вестник церковной истории. - 2007. - № 3. - С. 221-262.

11. Petrović, M. Konkordatsko pitanje Kraljevine Srba, Hrvata i Slovenaca / M. Petrović. - Beograd, 1997. – 303 с.; Slijepčević Đ., Istorija Srpske Pravoslavne Crkve. В 3 књ. / Đ. Slijepčević. - Београд: Земун ЈРЈ. 2002. – Књ. 2. – С. 384 – 392
12. Stojadinović M.M. Ni rat ni pakt. Jugoslavija između dva rata / M. M Stojadinović. - Rijeka, 1970. - С. 471 – 486
13. Drobec W. Mensch, Staat und Kirchen zwischen Alpen und Adria 1848 – 1938 / W. Drobec, R. Stauber, P.G. Tropper. - Hermagoras 2007; Einblicke in Religion, Politik, Kultur und Wirtschaft einer Übergangszeit. - Wien, 2007. – S. 151–161;
14. Mužić I. Katolička Crkva u Kraljevini Jugoslaviji: politički i Právni aspekti konkordata između Svete Stolice и Kraljevine Jugoslavije / I. Mužić. - Split, 1978.- 248 p. ; Šagi-Bunić T.J., Katolička crkva i hrvatski narod / T. J. Šagi-Bunić. - Zagreb, 1983. – 230 p.
15. Ramet P., Religion and Nationalism in Yugoslavia / P. Ramet // Religion and Nationalism in Soviet and East European Politics / ed. By Pedro Ramet. - Durham, 1984. – p. 28 – 30.
16. Buchenau K. Kämpfende Kirchen. Jugoslawiens religiöse Hypothek / K. Buchenau. - Frankfurt : Peter Lang, 2006. – P. 13 – 53.
17. Velimirović N. Religion and nationality in Serbia / N. Velimirović // Sabrana dela. Bd.3. – Himelstir, 1986. - S. 331 – 348. Popović J. Svetosavlje kao filozofija života [електронски ресурс] / J. Popović. – Режим доступа: [http://www.4shared.com/office/4Kmu1MpS/sv_justin_popovi_-_svetosavlje.html?start=Buchenau K. Kämpfende Kirchen. Jugoslawiens religiöse Hypothek / K. Buchenau. - Frankfurt : Peter Lang, 2006. – P. 53 – 85.](http://www.4shared.com/office/4Kmu1MpS/sv_justin_popovi_-_svetosavlje.html?start=Buchenau%20K.%20K%C3%A4mpfende%20Kirchen.%20Jugoslawiens%20religi%C3%B6se%20Hypothek%20-%20K.%20Buchenau.%20-%20Frankfurt%20-%20Peter%20Lang,%202006.%20-%20P.%2013%20-%2053.)

Стаття надійшла до редакції 14.10.2013 р.

T. Belyakova

INFLUENCE OF THE RELIGIOUS FACTOR ON THE NATIONAL SELF-IDENTIFICATION IN THE INTER-WAR YUGOSLAVIA: THE ASPECT OF HISTORIOGRAPHY

In this paper I examine the different aspects of historiography concerning the issue of the role of religion in Yugoslavia in the period between the World Wars in forming the national identity of the peoples of Yugoslavia. The interest to this subject is connected with the historical events during the last thirty years, the war that accompanied the collapse of socialist Yugoslavia and that was often in historiography proclaimed as inter-religious war. The situation in the 1920 - 1930-s was not so deeply studied by international scholars, although the conflict concerning the issue of Concordat with Vatican in this period, according to some former Yugoslavian historians, as well as Western researches, such as P.-S. Ramet had a big influence on the relationship between Serbs and Croats during the World War II, because of the mechanisms of appealing to the religious factor and the idea of confrontation between Orthodoxy and Catholicism during the conflict. The other important aspect in historiography is based on the studying of ideological schemas based on historical and confessional background in the 1930-s which deals with the issue of “sacralization of nation and nationalization of religion” by Serbian spiritual leaders (Klaus Buchenau). The importance of studying this period is connected with the necessity to find out more information about using the religious factor for constructing and forming national identity as well as managing inter-religious and inter-national conflicts on the basis of historical myths mixed with “religious components”. Without knowledge of the history of the 20th century and forming national constructs in Yugoslavia, modern scholars often transfer the view and explanations of the events during the last Yugoslavian wars onto the whole history of the Balkans and accuse religion itself in making people to be nationalist (e.g. Serbian Orthodoxy) or aggressive (e.g. Bosnian Islam).

Key words: Yugoslavia, historiography, Serbian Orthodox, Bosnian Muslims.

Т. Бєлякова

**ДО ПИТАННЯ ПРО ВПЛИВ РЕЛІГІЙНОГО ЧИННИКА НА
НАЦІОНАЛЬНУ САМОСВІДОМІСТЬ У МІЖВОЄННІЙ ЮГОСЛАВІЇ:
ІСТОРІОГРАФІЧНИЙ АСПЕКТ**

У цій статті розглядаються різні аспекти історіографії, які стосуються питання про роль релігії в Югославії в період між двома світовими війнами у формуванні національної ідентичності народів Югославії. Інтерес до цієї теми пов'язаний з історичними подіями протягом останніх тридцяти років, а конкретніше з війною, яка супроводжувала розпад соціалістичної Югославії. Ситуація в 1920 – 1930-х роках була не так глибоко вивчена зарубіжними вченими, хоча конфлікт, який пов'язаний з проблемою конкордату з Ватиканом в цей період, на думку деяких колишніх югославських істориків, а також західних досліджень, таких як П. С. Рамет, сильно вплинула на відносини між сербами і хорватами під час Другої світової війни через механізми звертання до релігійного фактору і ідеї конфронтації між православ'ям і католицизмом під час конфлікту. Іншим важливим аспектом в історіографії на основі вивчення ідеологічних схем та на основі історичного та конфесійного фону в 1930-ті, який має справу з питанням «сакралізації нації і націоналізацією релігії» сербських духовних лідерів (Klaus Vuchetich). Важливість вивчення цього періоду пов'язана з необхідністю дізнатися більше про використання релігійного чинника для побудови і формування національної ідентичності, а також про управління міжрелігійними та міжнаціональними конфліктами на основі історичних міфів, змішаних з «релігійними компонентами». Без знання історії 20-ого століття і формування національних конструкцій в Югославії, сучасні вчені часто передають уявлення і пояснення подій під час останніх югославських воєн на цілу історію Балкан і звинувачують саму релігію у створенні націоналістів (наприклад, сербське православ'я) або більш агресивних (наприклад, боснійський іслам).

Ключові слова: Югославія, історіографія, сербське православ'я, боснійський іслам.

УДК 929.65(47)“9/14”(045)

В.С. Волониць, С.І. Розанов

**РОДОВИЙ ЗНАК РЮРИКОВИЧІВ.
ЩОДО ПИТАННЯ ПРО ЗОБРАЖАЛЬНИЙ ПРОТОТИП**

Незважаючи на існування значної кількості наукових розвідок та численних гіпотез, походження та семантика знаків князів Рюриковичів є найменш розробленими в історичній науці питань. Однією з причин їх невирішеності, мабуть, є розбіжність науковців у порозумінні витоків «родового знаку Рюриковичів». На думку авторів, одним із шляхів вирішення існуючих питань залишається звернення до найбільш ранніх речових джерел і залучення нових наукових підходів щодо їх розв'язання.

Автори вважають двозубами клейма на цеглинах, що знайдені під час розкопок на території Десятинної церкви у Києві, які загальноновизнані тризубами князя Володимира Великого. У пошуках витоків двозубої графічної основи, спільної для усіх давньоруських княжих знаків, автори зіставляють графіті на куфічних дирхемах, клейма на цеглинах княжої будови і приходять до висновку, що «родовий двозуб Рюриковичів» виконував функцію оберегу, знака захисту від нещастя.